
От редакции

7 июня 2012 г. в Институте развития образования НИУ ВШЭ состоялся семинар, посвященный юбилею **доктора педагогических наук, академика РАО, вице-президента Российской академии образования Виктора Александровича Болотова**, который и выступил с основным докладом о принципах, положенных разработчиками в основу ЕГЭ, и об актуальных вопросах организации итогового тестирования.

УРОКИ ЕГЭ КАК СИСТЕМНОГО ПРОЕКТА

Статья поступила
в редакцию в июне
2012 г.

Рассматривается история создания технологии Единого государственного экзамена, а также этапы проведения эксперимента по внедрению национального тестирования в регионах РФ. Особое внимание уделено неправомерному использованию результатов ЕГЭ. Первоочередными задачами развития ЕГЭ авторы проекта считают совершенствование содержания контрольно-измерительных материалов, усиление ориентации на компетентностный подход, введение базового и профильного экзамена по русскому и математике, обеспечение информационной безопасности.

Аннотация

Ключевые слова: стандартизированные национальные экзамены, ЕГЭ, контрольно-измерительные материалы, рейтинги образовательных систем, мониторинги, компетентностный подход, базовые экзамены, профильные экзамены.

Участники:

Болотов Виктор Александрович — вице-президент Российской академии образования

Ершов Андрей Геннадиевич — директор Федерального института педагогических измерений

Кузьминов Ярослав Иванович — ректор НИУ «Высшая школа экономики»

Ливанов Дмитрий Викторович — министр образования и науки Российской Федерации

Майоров Алексей Николаевич — заместитель проректора НИУ ВШЭ

Положевец Петр Григорьевич — главный редактор «Учительской газеты»

Рачевский Ефим Лазаревич — директор центра образования «Царицыно» № 548 г. Москвы

Татур Александр Олегович — руководитель Московского центра качества образования

Филиппов Владимир Михайлович — ректор Российского университета дружбы народов

Фруммин Исак Давидович — научный руководитель Института развития образования НИУ ВШЭ

Шаулин Валентин Николаевич — начальник управления контроля и оценки качества образования Рособнадзора

В. А. Болотов. Коллеги, мы поставили этот доклад на семинар исходя из того, что сегодня очень много спекуляций, инсинуаций по поводу ЕГЭ. Как он начинался и развивался — кто-то забыл, кто-то не знал, поэтому передо мной поставлена задача восстановить хронологию событий и рассказать о некоторых принципах, которыми команда экспериментаторов руководствовалась при разворачивании ЕГЭ, а также коротко обозначить свою оценку текущего положения дел с ЕГЭ.

Начну с предыстории. Очень часто говорят, что Единый экзамен — это идея Всемирного банка, который, являясь клеветником империализма, якобы навязал нашей бедной России национальные экзамены, профинансировал их, и мы все делали по их указке. На самом деле я лично впервые услышал про национальные экзамены от известного в мире эксперта Стива Хайнемана, который в 1992 г. был с миссией Всемирного банка по анализу ситуации с образованием в России и который в своей рекомендации написал, что советует подумать о введении в России национального экзамена.

Тогда это никак не сказалось на наших программах стабилизации и развития. Немного позже тема национальных экзаменов звучала в наших обсуждениях развития образовательной системы с голландскими коллегами. Многие знают, что с Нидерландами в те годы были очень хорошие контакты, их министр образования г-н Ритцен очень много сил вкладывал в сотрудничество с Россией, искренне желая помочь нашей реформе образования. Голландия была одним из лидеров в использовании стандартизированных национальных экзаменов. Затем мы много работали с Великобританией, с Британским советом, и тоже говорили про национальные стандартизированные экзамены. Но ощущение у меня в те годы было такое: у богатых свои причуды и свои проблемы, этот путь не для нас. К тому же в те годы нам было не до этого, если честно говорить: забастовки, голодовки — какие там национальные экзамены, дай бог нам решить свои самые больные проблемы.

Однако в 2000 г. Владимир Михайлович Филиппов пробил федеральный закон под названием «Федеральная программа развития образования» (ФПРО), и у нас должны были появиться некоторые деньги на обеспечение серьезных инноваций. И когда мы обсуждали содержание этих инноваций, то отмечали, что

нуждается в реформировании ситуация с выпускными экзаменами. Произошла жуткая девальвация золотых медалей, и ректоры — в зале есть ректоры, которые помнят эти годы, — показывали заявления медалистов, которые в слове «прошу» делали пять ошибок, но при этом у них были золотые медали и соответственно льготы при поступлении. Не менее сильно тревожила ситуация с приемом в вузы. Речь шла не столько о прямых взятках — они были и в советские времена и, в общем-то, не носили тотального, массового характера, — сколько о различных теневых способах поступления в престижные вузы. Не случайно Владимир Михайлович издал приказ о запрете засчитывать экзамены по окончании подготовительных курсов как вступительные. Советский тезис «Свой абитуриент — своими руками» наша высшая школа извратила и стала говорить: «Все, кто ко мне ходит на подготовительные курсы — и платит соответственно деньги, — мой студент, а кто не ходит на курсы — не мой студент». Был еще один способ теневого поступления: занятия с очень недешевым «правильным» репетитором, который знал содержание будущих вступительных экзаменов на конкретную специальность в конкретном вузе. В результате прием в вузы Москвы и Петербурга в то время выглядел так: 25% иногородних, 75% — Москва и область, Санкт-Петербург и область. Хотя в советские времена было ровно наоборот: 25% — москвичи, 75% — Советский Союз. Эта ситуация не устраивала ни руководство страны, ни родителей.

Вместе с тем уже в те годы у нас были попытки введения независимых экзаменов: под руководством В. А. Хлебникова и при поддержке замминистра В. Д. Шадрикова осуществлялось централизованное тестирование выпускников школ, результаты которого засчитывались вместо отдельных вступительных экзаменов — честно говоря, как правило, непрофильных — рядом вузов и некоторыми школами при выпускных экзаменах.

В этой ситуации мы вводим в ФПРО соответствующие положения, и в начале осени 2000 г. Владимир Михайлович Филиппов вызывает меня и говорит: «Давай проектировать создание независимой системы оценивания выпускников школ, которая будет вместо выпускных и вступительных экзаменов. Вот тебе два дня на размышление, как ты будешь это делать». И историю ЕГЭ можно начинать отсчитывать с сентября 2000 г.

Первый этап: формирование команды. Назову имена основных членов команды тех лет, некоторые из них здесь присутствуют. Назову не по значимости и даже не по алфавиту. Александр Олегович Татур, Валентин Николаевич Шаулин, Вероника Всеволодовна Спасская — вот без нее точно никакой нормативки и закона про ЕГЭ не было бы, Владимир Жанович Куклин, Татьяна Алексеевна Бархатова, Галина Сергеевна Ковалева, которая неоднократно здесь выступала по международным исследованиям, Александр Георгиевич Шмелев и Владимир

Алексеевич Хлебников. Вот та команда, которая начала обсуждать, что такое у нас будет Единый экзамен.

Первый сюжет, самый важный,— формат этого экзамена. Именно в то время и появились в экзаменационных заданиях части А, В и С. Полного аналога такого подхода в мире тогда не было. Отмечу, что до сих пор от этой триады отказались только математики, но сколько-нибудь развернутой аргументации, почему они перешли только на часть В и С, я не слышал. Второй, не менее важный сюжет — технология, по которой будет проводиться ЕГЭ. Мы тогда сумели спроектировать технологию, которая по большому счету используется до сих пор. Основные технологические разработки, сделанные в тот период, не имеют аналогов в международной практике, хотя мы, конечно же, тщательно изучали соответствующий опыт.

Когда в основном стало понятно, что и как мы хотим делать, мы в декабре 2000 г. вышли на коллегию Минобразования, где В. М. Филиппов дал конкретные поручения, и началась уже технологическая работа по подготовке первого, пилотного этапа. В первую очередь подготовка постановления правительства.

16 февраля 2001 г. вышло постановление Правительства Российской Федерации. Формально это и есть момент рождения ЕГЭ, потому что до этого были предварительные работы, мы не могли ни деньги тратить на подготовку к ЕГЭ, ни привлекать регионы и вузы.

С февраля до июня мы должны были сделать очень большой объем работы. Ученые Российской академии образования и члены предметных приемных комиссий высших учебных заведений Москвы начали готовить контрольно-измерительные материалы по модели А, В и С. Находясь в ВШЭ, я бы отметил очень активную роль Г. Г. Канторовича, который с самого начала участвовал не только в разработке КИМов по математике, но и в подготовке нормативной базы, особенно по правилам приема в вузы. Создание нормативной базы эксперимента было не менее сложной задачей, ведь нужно было согласовать интересы выпускников и абитуриентов, школ и вузов. Следующая, не менее сложная задача — доведение технологии проведения ЕГЭ до аппаратно-программного уровня, поиск соответствующей аппаратуры и софта, причем в последнем случае не столько поиск, сколько создание.

Поиск добровольцев из регионов и переговоры с ними. Посмотрите список первого года. Чувашия: прорывной президент Н. В. Федоров и не менее амбициозная, в английском понимании этого слова, министр Г. П. Чернова, которые в ЕГЭ увидели возможность дать небогатым жителям республики возможность получать образование в ведущих вузах Москвы и Питера. Саха (Якутия): республика с давних времен посылает лучших выпускников в Питер и в Москву на контрактной основе, для них Единый экзамен — это возможность сделать ситуацию

прозрачной, и здесь за эксперимент взялся очень сильный руководитель — Е. И. Михайлова. Республика Марий Эл, которая проводила тестирование у себя в школах еще до введения ЕГЭ и имела сильную республиканскую команду. Самара, где образованием руководил один из самых сильных и прогрессивных в России руководителей — Е. Я. Коган. Соглашались в этих регионах и вузы, кто-то под давлением местной администрации, кто-то добровольно.

Как и в любом проектировании сложных процессов, очень непросто было добиться согласования взглядов на ЕГЭ внутри федеральной команды. У технолога свои представления о должном, технологи говорят разработчикам КИМов: «А мы не можем пропускать через компьютеры вот такие ваши форматы. У вас в вопросах с выборами ответов пять позиций, а у нас, у технологов, клеточек не хватает, поэтому уменьшайте число вариантов. А часть С — вообще забудьте про нее, мы не можем быстро и надежно сканировать, у нас нет таких сканеров». А чего стоило согласование критериев оценивания части С между «школьниками» и «вузовцами»? И так далее.

В регионах были проблемы с набором в региональные команды: нужны были и эксперты по проверке части С — высококвалифицированные предметники из школ и вузов, и квалифицированные специалисты по ИКТ. Процедуры ЕГЭ создавались с презумпцией высокой доли ответственного участия регионов: в условиях России ставка только на московских специалистов нереальна, и без регионов мы бы ничего не смогли сделать, и мы с ними работали очень плотно. ЕГЭ делался с использованием высоких технологий — а значит, для регионов надо было закупать современное оборудование: компьютеры, серверы, сканеры, программное обеспечение и т.д. для оснащения региональных центров обработки информации и пунктов проведения Единого экзамена. Еще раз вернусь к нормативному обеспечению. Дьявол сидит в мелочах, и особенно это касается нормативки. Наши юристы вылизывали ее по ночам, начиная от правил проведения выпускных экзаменов, правил приема в вузы по итогам ЕГЭ, апелляции и т.д. И все это было сделано с февраля по май.

В итоге мы смогли провести первый этап без особых сбоев и проколов, и это не только мнение разработчиков. В силу высокой социальной значимости эксперимента — в первый год в нем участвовали более 40 тыс. выпускников — все проведение первого этапа было под жестким контролем СМИ и родительской общественности. Успех первого года сыграл определяющую роль в дальнейшем развитии событий, и когда в 2001 г. министерство вместе с Высшей школой экономики и большой группой привлеченных экспертов работало над концепцией модернизации образования, то проблематика повышения объективности выпускных и вступительных экзаменов была одной

из самых значимых. В. И. Матвиенко, в то время зампред правительства, выступая на Госсовете с концепцией модернизации, заявила, что работы по Единому госэкзамену необходимо продолжать. И губернаторы, выступая на Госсовете, поддержали продолжение эксперимента.

И в то время, да и сейчас многие утверждают, что итоги эксперимента не подводились, а следовательно, введение ЕГЭ в массовую практику неправомерно. Особенно много про это говорили и говорят уважаемые мной И. И. Мельников и его соратник О. Н. Смолин: «Нам не докладывают про результаты эксперимента. Мы не знаем, нужно ли его продолжать. Надо подвести итоги». Я им говорю: «Цель эксперимента — отработка технологии создания КИМов по всем тестологическим правилам, отработка технологии и процедуры проведения ЕГЭ — на всю Россию, на все регионы, при этом дуракоустойчивой, потому что у нас очень много псевдоноваторов, которые говорят: А чего нам их опыт, давайте сделаем проще и дешевле».

Вот мы с И. Д. Фруминым утром сегодня в очередной раз обсуждали, что КИМы — это не просто набор заданий, который делает каждая приемная комиссия высшего учебного заведения, это тест, и там возникают вопросы валидации тестов и других необходимых процедур, т.е. это серьезная, большая работа. В России этого не делалось никогда. Может быть, еще в 20-х годах прошлого века велась такая работа, но живых людей, которые бы делали тесты на измерение учебных достижений по всем канонам тестологии, на момент создания КИМов уже не было. Пожалуй, только присутствующий здесь А. Н. Майоров начинал в Питере кое-что делать в середине 1990-х годов. Кадровое обеспечение проведения экзаменов было и остается важнейшим делом. Нужны были эксперты-предметники, технологи, психометрики. И эти задачи мы все время решали.

Повторю еще раз: цель эксперимента — создание технологии, пригодной для применения во всех регионах страны с их разнообразием условий, технологии, которой доверяли бы большинство выпускников и абитуриентов, их родители, большинство вузов и школ.

Индикаторы успешности эксперимента. У нас был простой индикатор: каждый год мы на коллегиях Минобразования докладывали эту ситуацию, показывали, сколько новых субъектов подали заявки на включение в эксперимент, как расширяют свое участие «старые» регионы — по количеству предметов, проверяемых через ЕГЭ, по количеству специальностей в вузах, прием на которые ведется только через ЕГЭ, по включению техникумов, по увеличению процента детей из сельской местности, по нарастанию доли иногородних выпускников среди абитуриентов в вузах Москвы и Питера. И сколько бы ни болтали про административное давление на регионы, они сами принимали решение по вхождению в эксперимент. И даже когда они

увидели некоторую оппозицию по отношению к ЕГЭ со стороны А. А. Фурсенко, процесс было не остановить. Посмотрите, начинали с 45 тыс. выпускников, а потом почти 3 млн «человеко-экзаменов». Все это за эти годы было сделано той командой, которую я показывал в начале.

Принципы проведения эксперимента. Коллеги, пожалуй, важнейшим принципом для нас был — присутствующие здесь члены рабочей группы это подтвердят — следующий: любая новелла не должна ухудшать положение выпускников и абитуриентов по сравнению с традиционными формами. Конечно, речь идет только о честных экзаменах и честном конкурсе. Это было лейтмотивом при обсуждении любого изменения и продвижения вперед.

Следующий принцип связан с комплектацией команды. Парадоксально, но присутствующие здесь члены рабочей группы подтвердят, что мы не единомышленников искали, мы искали разномыслящих. Разномыслящие могут находить реальное решение проблемы, а не то, которое выгодно кому-то или которое нравится руководителю, которое можно пропиарить хорошо.

Связанный с предыдущим принцип, которому тоже не так часто следуют: после завершения этапа — разбор результатов «по гамбургскому счету». Каждый год в сентябре-октябре перед заседанием коллегии проводили всероссийское совещание. Представители всех регионов — участников эксперимента приезжали в совхоз «Московский» и разбирались по-честному, что получилось, что не получилось, и вместе проектировали следующий год.

Еще один принцип, за нарушение которого сегодня нередко достается министерству и службе. У нас было жесткое правило: до декабря не успели ввести новеллу (неважно, в нормативной базе, в программном обеспечении и т. п.) — все, забыли про эти изменения, сами виноваты. Мы не можем поставить выпускников, школы, учителей, вузы в дурацкую ситуацию, когда правила сдачи, процедуры меняются, условно говоря, в мае. К сожалению, мы видели, к каким волнениям приводит нарушение этого правила, когда даже президент вынужден был выучить номер майского приказа Минобрнауки, который изменил правила игры с использованием ЕГЭ.

Еще один принцип — работа с общественным сознанием. И не за счет безудержной рекламы, этого мы, к сожалению, не делали — не умели, да и не придавали особого значения. А вот разъяснительную работу вели постоянно. В прессе все время гуляли искажения фактов и прямое передергивание. И вот мы собрали в министерстве перед пресс-конференцией В. М. Филиппова журналистов и всем дали КИМы по русскому языку и по литературе. Часть А и В: сделайте, ребята. После этого у большинства из них по отношению к ЕГЭ произошли

кардинальные изменения — оказывается, в ЕГЭ не дурасть спрашивают, оказывается, там умные вопросы есть, оказывается, все нормально. И нам это дало возможность работать с ними конструктивно. До сих пор некоторые журналисты эту акцию вспоминают.

А для школ и родителей, входящих в эксперимент, мы фактически каждый год выпускали брошюры под условным названием «Сто вопросов и сто ответов для чайников». По крупным сбоем — тут же оперативные пресс-конференции. Только поймали неприятную ситуацию — сразу выходили на прессу, не надеясь, вдруг пронесет, и тем более не дожидаясь раскрутки темы оппонентами.

Уважаемые коллеги, мне кажется, что эти несколько принципов могут быть инвариантными, для любого серьезного эксперимента нужно делать для себя какие-то внутренние правила игры. Было бы любопытно, например, посмотреть: тот же зарплатный проект Минобра — он в такой логике сделан или нет?

Чего не было сделано? На самом деле не сделали «партию ЕГЭ». Позитивные отклики были все время, но организованные контратаки были гораздо более громкими и шумными. Стоит только вспомнить господина Комкова, который для собственной рекламы демонстрации против ЕГЭ выводил, или еще кого-либо подобного.

И еще один серьезный просчет. Мы делали ЕГЭ для повышения доступности качественного образования для детей из отдаленных регионов, из сельской местности, и делали объективную аттестацию по итогам выпускных экзаменов, и добивались в этих направлениях успеха, но мы совершенно не просчитывали, как и в каких целях результаты ЕГЭ будут использовать другие. Коллеги, это одна из проблем, на которые я и команда, с которой мне выпало счастье работать, не обращали внимания, — интерпретация результатов ЕГЭ.

Рейтинги школ и образовательных систем муниципалитетов и субъектов Федерации по ЕГЭ — это полная глупость. ЕГЭ — это не мониторинг качества образования, ЕГЭ — это экзамен с высокими ставками, и высокие баллы ЕГЭ — это зачастую не заслуга школы, это сильно зависит от семьи, от репетиторов, особенно сверхвысокие баллы ЕГЭ. А мы начинаем по итогам ЕГЭ губернаторов сравнивать, после чего они дают команду: «Быстренько сделать так, чтобы меня не позорили». Чтобы повлиять на результаты ЕГЭ серьезно, требуются три-четыре года работы. Это, как правило, наследие предыдущего губернатора, это он сделал, что сегодня был хороший балл ЕГЭ, или, наоборот, он ничего не сделал, чтобы было хорошо. Еще один пример неправомерного использования ЕГЭ — это аттестация педагогов. Более того, сейчас стали доплаты давать педагогам старшей школы за хорошие результаты ЕГЭ. Это усиливает ту самую дифференциацию школ на слабые и сильные, про

которую мы писали в Концепции-2020. А ведь до сих пор есть регионы, которые говорят: «Да, результаты ЕГЭ — это основание для стимулирующих выплат». Последний пример — слияние школ в Москве, сильных и слабых, по итогам ЕГЭ и конкурса в 1-й класс. Откуда взяли, что от слияния средний балл ЕГЭ вырастет и будет всем хорошо, особенно сильным школам! Все это делается от непонимания, что ЕГЭ не является мониторингом, это другая процедура, для другого сделанная. И хотя я не раз писал, еще как начальник Рособнадзора, об опасностях использования ЕГЭ в других целях, ничего не меняется.

На мой взгляд, такое использование результатов ЕГЭ обусловлено тем, что других цифр, связанных с качеством образования, у начальников нет. Поэтому я очень рад, что нам удалось в Программе-2020, которая делалась командой Высшей школы экономики и командой Академии народного хозяйства, в разделе про школу заложить мониторинги и удалось при активной поддержке А. Н. Майорова ввести мониторинги в интегрированный законопроект по образованию. Теперь мониторинги мы будем вводить как системные проекты, сегодня об этом мы говорили с Я. И. Кузьминовым. С моей точки зрения, без мониторингов ЕГЭ не выдержит тех ожиданий, которые на него возлагаются.

Теперь несколько тезисов о путях развития собственно ЕГЭ. Все эти позиции я неоднократно называл.

Первое — совершенствование содержания КИМов, усиление ориентации на компетентностный подход. Это сюжет PISA и других международных исследований.

Введение базового и профильного экзамена по русскому и математике. Ну зачем загонять явного гуманитария в изучение производных сложных функций, а инженера-технаря заставлять запоминать, что такое парцелляция? Сегодня ЕГЭ по русскому языку сложен для многих детей, у которых дома и в ближайшем окружении говорят на другом языке. Для них русский язык — государственный, и нужно оценивать их функциональную грамотность. Поэтому нужно различать эти требования.

Информационная безопасность. На мой взгляд, сильно поторопились передать вопросы безопасности в регионы.

И последнее. Нужны исследования по изучению роли и места ЕГЭ в оценке работы учителей и эффективности деятельности образовательных учреждений.

Меня просили рассказать тезисно, и я закончил, но хочу еще раз сказать, что не было бы команды, не было бы поддержки Владимира Михайловича Филиппова и Ярослава Ивановича Кузьмина — половины из того, что нам удалось сделать, не было бы осуществлено. Поэтому вопрос команды и вопрос политической и содержательной поддержки — это залог успеха любого проекта, неважно, ЕГЭ он называется или как-то по-другому. Спасибо.

В. М. Филиппов. Ваше мнение: когда могут быть готовы стандарты профильной школы, когда могут быть готовы для профильных классов и непрофильных классов уровни А и В? Или как везде: А — Advanced (продвинутый), В — Basic. Когда у нас? Технологическая готовность — когда: на следующий год, через три года? Увязываете ли вы это с введением формальных новых стандартов, которые сейчас в Минюсте находятся, или это не связано? Если связывать жестко, то по всем трем ступеням стандартов выпускники придут только через 10–11 лет, ждать нельзя. Ваше видение: когда это можно было бы начать? Когда это нужно, а когда это технологически возможно?

В. А. Болотов. Нужно было бы вчера еще. Стандарты 2004 г., вами подписанные, позволяют это сделать. Система ждет. На наших встречах с учителями в регионах они все говорят об этом. Из моих разговоров с разработчиками КИМов и по математике, и по русскому языку я заключаю, что они, в общем, готовы, им нужна политическая отмашка со стороны Министерства образования и науки. Мы с И. И. Калиной, когда он был замминистра, опросили субъекты Федерации о введении, в частности, базового и профильного экзамена — 90%-ная поддержка.

В. М. Филиппов. Вы напомнили историю. Ведь прежде чем их вводить, нужно два или три года в эксперименте отработать. Их просто так не введешь. И с этим связан вопрос: а когда?

А. Г. Ершов. Вопрос сложный. И мы начинаем сейчас немножко действовать в другом векторе. Мы всегда шли от Единого государственного экзамена к ГИА-9, и нам удалось обеспечить технологическое единство ЕГЭ и ГИА-9. Сейчас ситуация несколько иная. Утверждены другие стандарты общего образования, поэтому уже состоялось заседание дирекции ФИПИ, осенью будет совершенно открытое заседание ученого совета ФИПИ — мы всех приглашаем, — где мы будем обсуждать стратегию и методику подготовки контрольно-измерительных материалов пока для ГИА-9. Как только будут утверждены стандарты следующего поколения, мы будем, естественно, акцентировать свое внимание уже на ЕГЭ. По нашим подсчетам, дети впервые сдадут Единый государственный экзамен по новым стандартам в 2021 г. Вы совершенно правы, нужно готовиться. Что будет сделано? Будет полностью проведена апробация всех контрольно-измерительных материалов и для ГИА-9, и для ЕГЭ. Будет серьезно реконструирован весь банк тестовых заданий для Единого государственного экзамена. Работы лет на пять-шесть, не меньше.

И. Д. Фрумин. Я просто помню одну из первых дискуссий в 2000 г. здесь, у Ярослава Ивановича (Кузьмина. — *Ред.*), и Владимир Михайлович (Филиппов. — *Ред.*) был тогда, обсуждались основные подходы к программе модернизации. Там впервые прозвучала идея национального экзамена. Сейчас, когда

Виктор Александрович показал всю эту конструкцию, я задался вопросом: а можно было это все сделать быстрее? Почему потребовалось девять лет? Посмотрите, либо мы тогда слишком медленно работали, и можно было сделать быстрее. Если да, то как? Либо сейчас, может быть, мы торопимся, когда речь идет о введении, тоже драматическом, такой фундаментальной конструкции, как новая система оплаты труда или новые стандарты. Вот введение новых стандартов в начальную школу произошло, если не ошибаюсь, за два года. Сегодня мне кто-то говорил, что 450 тыс. учителей прошли переподготовку в течение одного года и начали работать по-новому. Вопрос о темпах мне кажется очень важным.

В. А. Болотов. Коллеги, если честно говорить, я не верю в то, что школа перешла на новые стандарты. Все регионы доложили, что они перешли. Нет, коллеги, я считаю, что переход на новые стандарты — это четыре-пять лет как минимум. Нужны учебные тексты, нужна подготовка учителей. Сколько психологов — у нас в аудитории есть психологи — одинаково понимают слова «универсальные учебные действия»? Коллеги, это отдельная тема — про стандарты. А теперь про ЕГЭ. Вы знаете, была задержка с введением Единого госэкзамена после реформирования Минобра. Года два Министерство образования и науки, как бы сказать, наблюдало немножко со стороны эти процессы, Андрей Александрович Фурсенко говорил мне, что мы слишком форсируем введение ЕГЭ. Поэтому год-два мы могли бы сэкономить, пожалуй. Вместе с тем наши западные коллеги, а мы их все время привлекали к экспертизе наших проектных ходов и результатов этапов эксперимента: ETS — ведущую тестологическую организацию в Соединенных Штатах, Кембриджский синдикат — ведущий в Великобритании, CITO — специализированный институт в Нидерландах и других, — все они говорили, что мы фантастически быстро двигаемся по созданию национальной системы экзаменов. Это позиция экспертов, которые приезжали к нам из этих стран, в частности Стивена Бейкера, который тогда работал в CITO, а потом возглавлял Европейскую ассоциацию оценщиков качества образования.

Я. И. Кузьминов. То, чем Виктор занимался последние десять лет, даже больше, — это введение ЕГЭ. Мы можем с Филипповым себе сколько угодно приписывать авторство идеи, первоначальный толчок и т. д., но у нас идей было много, и не все они воплощены. А вот эта — воплощена. Воплощение — это тяжелая ежедневная работа, масса компромиссов, среди которых нужно выбирать те, на которые можно пойти, и те, на которые идти нельзя. Виктор Александрович Болотов, на мой взгляд, совершал ряд ошибок, но в целом он не пошел на те компромиссы, которые бы остановили или извратили идею, лежащую в основе образовательной реформы.

Что такое ЕГЭ? Это практически восстановление социальных лифтов в образовании. Российское образование с либерализацией экономики, с либерализацией общества потеряло все встроенные социальные лифты. Не потому, что так было задумано, а потому, что сами эти лифты носили прикрепленный к коммунистической идеологии или к коммунистической системе командный характер. Рабфаки те же самые вспомните. Работали лифты, работала позитивная дискриминация в интересах рабочих и крестьян. И она работала, в общем, не хуже, чем в Соединенных Штатах работала позитивная дискриминация в интересах национальных меньшинств. Мы это потеряли. И через десять лет такого рода эволюции — восстановление важнейшей функции образования, которой является социальное перемешивание общества, обеспечение равного старта, обеспечение ощущения справедливости у людей, которые свою принадлежность к стране сегодня воспринимают по тому, чувствуют ли они, что их дети имеют неограниченные возможности или что возможности ограничены только их собственными усилиями, только собственным талантом.

Мне кажется, что Единый экзамен явился самой крупной — подчеркиваю: самой крупной! — социальной реформой новой России. И то, что эта социальная реформа стала неким знаком того, что демократия, рынок не являются царством несправедливости, не являются звериным царством, не являются властью богатого, что страна остается родиной, социальной родиной для всех своих граждан, — это невозможно переоценить. У Единого экзамена очень тяжелая судьба, и Виктор немножко об этом говорил. Тяжелая судьба не потому, что на него ополчились репетиторы и взяточники: их прослойка очень невелика, и они никогда не получили бы такой поддержки, как те атаки на ЕГЭ, которые постоянно переживает наше общество.

Причина совершенно другая. Причина в том, что введение Единого госэкзамена и связанной с ним новой системы зачисления в вузы ударило по интересам широких кругов жителей крупных городов, причем не самых богатых — самые богатые отправляют детей в Англию учиться, — а людей среднего достатка. Эти люди имели сложившуюся к 2000 г. систему, гарантирующую их детям заведомо преимущественные права на лучшую карьеру, на место в хороших вузах, на бесплатные места. Если у нас в московские вузы в поздние годы советской власти поступало 75% иногородних студентов, то в 2000 г. их было 25%. Мы об этом забываем. И это социальная привычка и, в общем, некоторое социальное достижение для этих семей — для массовых читателей газет, для массы образованных людей, сосредоточенных в крупных городах. Это было абсолютно реальным наступлением на их интересы.

Да, голоса, прямо говорящие, прямо защищающие позиции, о которых я сейчас говорю, раздавались, но они быстро

заглохли, потому что говорить об этом, признавая, что ты против ЕГЭ потому, что он на твои личные интересы наступает, и эти личные интересы не связаны с социальной справедливостью, сложно. Есть психологические механизмы, обуславливающие утаивание человеком таких своих побуждений. Поэтому мы наблюдаем действительно феноменальные атаки на ЕГЭ, поддерживаемые — эмоционально поддерживаемые — многими семьями, на самом деле без особого содержания. Придирика может быть любая, вывод — один: ЕГЭ плох. Это некоторое испытание на прочность социальной солидарности в нашей стране. Пока мы находимся только в начале пути по формированию этой социальной солидарности. Но мне кажется, что мы должны выразить сегодня свою признательность, свое уважение людям, которые практически значительную часть своей жизни посвятили разработке, и защите, и продвижению социальной технологии, социальной реформы в очень эмоционально неблагоприятной среде. Я хочу всем вам, начиная с Виктора, — многие из вас здесь присутствуют, наши уважаемые коллеги, — просто сказать спасибо.

В. М. Филиппов. Я тоже хочу сказать о роли Виктора Александровича. Некоторые детали, о которых он говорил, я для объективности поясню. Исак Давидович (Фрумин. — *Ред.*) правильно сказал, что мы с Ярославом Ивановичем впервые сели за стол обсуждать этот вопрос через неделю буквально после выборов президента Владимира Владимировича Путина в марте 2000 г. Предпосылка была обозначена так примерно, как Виктор Александрович говорил: проблема медалистов, приема в вузы. И эти проблемы прозвучали на съезде в Кремле в январе. А через три месяца мы стали писать механизмы. Наверное, они обсуждали их заранее, до прихода ко мне в кабинет, но первые слова — для объективности — «Единый государственный экзамен» я услышал из уст Ярослава Ивановича. Он первым для меня произнес это название — не «национальное тестирование», а «Единый государственный экзамен». Это маленькая деталь.

Важнее то, о чем говорил сейчас Ярослав Иванович, — что это социальный проект. Социальный потому, что он затронул интересы широких слоев населения, которые с помощью ЕГЭ получили доступ к образованию в лучших вузах Москвы и Санкт-Петербурга. Но еще раз хочу подчеркнуть: не только, Ярослав Иванович, в новой России, но и в истории Советского Союза, и в истории всей России у нас не было столь длительного, масштабного эксперимента. Длительного — это девять лет. Масштабного — каждый год участвовали 1 млн школьников. У нас не было такого эксперимента, если не считать эксперимента по построению социализма в отдельно взятой стране. Здесь уже шла речь о том, что произошла задержка. Да, в 2004–2005 гг. она объективно произошла. Но здесь очень важна

позиция Андрея Александровича Фурсенко, при котором принимался закон о введении ЕГЭ. Ярослав Иванович хорошо знает, как на него в то время напали ректоры, Союз ректоров: что это не нужно, надо отменить. Андрей Александрович сказал: «Дайте мне год-два выдержать эту паузу», — и это все-таки состоялось. Такая же была атака на Болонский процесс. Я подписал это соглашение по Болонскому процессу в 2003 г., а мы ввели формально с 1 сентября 2011 г. Тоже девять лет прошло. Андрей Александрович выдержал эту атаку.

Очень хорошо, что во время семинара Виктор Александрович затронул проблему, которую он обозначил как то, что мы не создали политическую партию. Я думаю, что это действительно была наша стратегическая ошибка и, совершив ее, мы создали себе проблему на многие-многие годы вплоть до сегодняшнего периода. Я могу это пояснить на примере одной реформы, которая в то время прошла, очень серьезной реформы. Она встречается во всех странах мира страшное сопротивление. Это реформа пенсионной системы, которую делали Матвиенко и Починков. Тогда была выбрана схема, был создан президентом Национальный совет по пенсионной реформе. Возглавила его Валентина Ивановна Матвиенко. Но в состав совета включили всех — Зюганова, Жириновского, всех лидеров партий. Я помню, как на этом совете вплоть до окончания обсуждения Матвиенко под протокол спрашивала: «Геннадий Андреевич, у вас есть возражения против этого?» — «Нет». — «Запишите. Владимир Вольфович, у вас есть возражения?» — «Нет». — «Запишите». И никто на митинги не пошел. Тяжелейшую пенсионную реформу в сложнейшей ситуации в стране провели относительно безболезненно. Другое дело, что сейчас она оказалась не та, ее надо менять. Это другой вопрос. Но провели очень грамотно.

Конечно, здесь есть еще один плюс, которого у нас с коллегами не было, — это политический ресурс. О том, что надо проводить пенсионную реформу, сказал Президент Российской Федерации, она обозначена была сверху. Руководители страны — Владимир Владимирович Путин, Дмитрий Анатольевич Медведев — нас поддерживают и говорят, что ЕГЭ надо сохранить и совершенствовать. Были моменты, когда мне приходилось руководству страны рассказывать, почему каждую весну вот такое обострение в стране происходит с публикациями и т.д. Я показывал, что учителя против, потому что они раньше учили и сами ставили оценки. Директора против, потому что они сами давали медали и ставили оценки, теперь их оценивают, и они трясут своих учителей. Преподаватели вузов, репетиторы против. Хотя я так и не дошел до объяснений, почему ректоры против, — мне Владимир Владимирович говорит: «Я сам знаю, почему они против». Но при всей этой поддержке, конечно, мы все-таки снизу это делали. Нам сказали: «Ну, делайте».

И я помню, как Владимир Владимирович сказал: «Вам очень тяжело и трудно». От учителей до ректоров — все против. Но мы показали, кто за. И когда они ездили по регионам, то большинство губернаторов сказали: «Мы за эту систему», — кроме мэра Москвы Юрия Михайловича, который категорически боролся с этой системой.

Я. И. Кузьминов. Потому что Юрий Михайлович в отличие от ректоров, от губернаторов — гениальный политик. Он просто чувствовал настроение населения, подстраивался.

В. М. Филиппов. Все-таки то, что мы не создали какой-то национальный совет по этой реформе, — это наша стратегическая ошибка, которая потом привела к очень многим проблемам. Но, возможно, и не дали бы создать, потому что тем самым власть должна была на себя взять политическую ответственность. А нам сказали: «Ну, получится — значит, получится. Эксперимент? Делайте». Я думаю, что такой национальный совет по аналогии с пенсионной реформой мог и не получиться. Нам не давали добро. Я хочу упомянуть имя еще одного человека, который нам помогал вместе с Ярославом Ивановичем в правительстве, — это Герман Оскарович Греф, который действительно был прогрессивным министром экономики. Поддержка ФПРО и выход на постановление правительства — в этом большая роль и Германа Оскаровича тоже. Андрея Александровича Фурсенко я уже упоминал. Но все-таки я хочу поддержать мысль Ярослава Ивановича, очень важную, что генеральным исполнителем этой идеи, организатором в масштабах страны все годы был Виктор Александрович Болотов. Сегодня мы отмечаем его 60-летие, и Виктор Александрович может смело гордиться, что в его жизни был такой социальный проект, самый крупный в истории нашей страны.

А. О. Татур. К сожалению, значение ЕГЭ сильно недооценивается. И даже Владимир Михайлович говорит, что ЕГЭ проверяет в основном знаниевую компоненту. Я все-таки могу сказать, что и предметная компетентность тоже в ЕГЭ проверяется. ЕГЭ как экзамен — плоть от плоти нашей образовательной системы: чему учим, то он и проверяет. Он строго следует и стандартам, и учебникам и не может отклониться от того, что преподают. Конечно, новый стандарт ввел новые метапредметные результаты. Андрей Геннадиевич (Ершов. — *Ред.*) как раз говорил, сейчас обсуждается этот вопрос, но это — совершенствование. А то, что уже сделано в ЕГЭ, отвечает именно духу российского образования — это наш продукт, российский, хотя тенденции мировые сюда включены. ЕГЭ сделал серьезнейший шаг, он фактически уничтожил учительский произвол. ЕГЭ — это объективное оценивание. А раньше было: что хотят, то и поставят. Иногда объективно, но очень часто и очень субъективно. ЕГЭ — это именно путь в цивилизованное общество. Мне очень

приятно, что я с Виктором Александровичем в этом великом проекте поучаствовал.

И. Д. Фрумин. В жизни Виктора Александровича были и другие проекты, этот, конечно, самый большой, самый длинный, но хочу напомнить, что он был и создателем первого в России психолого-педагогического факультета в классическом университете, и этот опыт в значительной степени используется реально в нашем передовом педагогическом образовании. Возвращаясь к ЕГЭ: когда речь шла — об этом и Виктор Александрович, и Владимир Михайлович говорили — про партию, то я бы это не воспринимал напрямую, я думаю, имелась в виду систематическая общественная поддержка. Но все-таки в связи с этим, Виктор Александрович, когда вы говорили о том, что от введения ЕГЭ никто не проиграл, — насчет того, что ребенок не проиграл, думаю, что и здесь была определенная недоработка. Потому что всякое изменение традиции, привычки и рутины — это тяжелая, и психологически в том числе, ситуация. Мы знаем, что детям и семьям не нравятся любые инновации в школах. У нас до сих пор, можете себе представить, на «Эхо Москвы» в интерактивном опросе «Считаете ли вы полезным вернуться к советской системе образования» — «Эхо Москвы», хочу подчеркнуть! — 70%, (понятно, что это самые активные) отвечают «да». В этом смысле вопрос об устойчивости такого рода образовательных инноваций очень нетривиальный. Я бы сам себе ответил на вопрос о длительности, который я задавал в начале семинара: нельзя было сделать быстрее. Скорее всего, сопротивление было бы еще больше, как было бы больше сопротивление быстро двигающемуся предмету в какой-то среде.

В. Н. Шаулин. Можно ли было все-таки сделать Единый государственный экзамен быстрее? Я как человек, который руками это все делал с 2000 г., категорически отвечаю, что мы сделали просто невероятно быстро, и очень плохо, что мы это так сделали. Хотя бы еще лет десять — тогда бы у нас получился действительно экзамен. Ведь в чем было основное содержание эксперимента? Конечно, и технологии, и КИМы, и все эти информационные вещи. Но основное содержание — нужно было научить субъекты Федерации, органы управления образованием, управленческих работников проводить эту процедуру, причем проводить так, чтобы они считали, что они это проводят, делают объективную процедуру для себя, а не для Москвы. Вот это основной, на мой взгляд, и ключевой момент, которого мы до сих пор еще не добились. Хотя уже во многих субъектах Федерации в этом направлении мы далеко продвинулись. Еще основной результат ЕГЭ, о котором не было сказано, — это, на мой взгляд, несомненный рост правовой культуры выпускников. Тот, кто помнит традиционные вступительные и выпускные экзамены: когда это было, чтобы выпускник

задавал вопросы — «А почему вы поставили мне такую оценку? А по каким критериям меня оценивали? Как осуществляется шкалирование? Почему меня удаляют с экзамена? Вы мне докажите, покажите, где правила, инструкции?». Экзаменатор брал за шиворот и говорил: «У тебя шпаргалка!» — и выбрасывал из аудитории, и выпускник или абитуриент никогда слова не говорил. Сейчас у нас судебные разбирательства, у нас сейчас обращения в суды. Очень большой результат, на мой взгляд, значимый результат — рост правовой культуры Единого экзамена. И последний момент, связанный с профильным и базовым экзаменом. Можно и нужно это делать. На мой взгляд, это абсолютно несложно сделать технически, но самый основной и тяжелый вопрос — это к 2021 г. разработать КИМы, которые бы проверяли компетентности, метапредметность — то, что заложено в новых стандартах. Это глобальная вещь, за десять лет, на мой взгляд, вряд ли это возможно сделать и сконструировать. Мы верим в тех, кто разрабатывает КИМы.

А. Н. Майоров. Есть базовое противоречие в отборе содержания ЕГЭ. Что нужно для школы? Для школы нужно то, чему учили. А что нужно для вуза? Для вуза нужно то, что пригодится при дальнейшем обучении. Вот и противоречие, почему либо те недовольны, либо эти недовольны. И что-то с этим надо делать. К 2021 г. можно сделать? Ну, наверное, да.

А. Г. Ершов. В заголовке слайда, который Виктор Александрович показал, значилось: «ЕГЭ как система». Вот это-то я, к сожалению, в докладе как-то не очень ощутил. Создана система, и создан ряд подсистем. Прежде всего создана очень серьезная технологическая система в регионах Российской Федерации. Большое спасибо Виктору Александровичу и Владимиру Михайловичу. Мне в 2003 г. пришлось руководить первым ЕГЭ в Москве. Коллеги, первые списки абитуриентов для Единого государственного экзамена в Москве были принесены в двух авоськах. А теперь Москва выкладывает результаты ЕГЭ на портале госуслуг. Создана система повышения квалификации, она совершенно по-другому заработала. Создана система общественных наблюдателей. Создана национальная система подготовки измерительных материалов, которая может от ЕГЭ ретранслироваться на другие ступени образования. И это конкурентоспособно на уровне мировых образцов. Говорю это не ради красного словца, довелось побывать во всех крупных тестовых центрах, не так уж далеко мы отстаем. За эти годы сделано достаточно много. Поэтому мне кажется, что ЕГЭ как системный проект — это, безусловно, то, что мы должны в настоящее время оценивать и прекрасно понимать, что в этом были и недостатки. Вот один из крупных, на мой взгляд, промахов ЕГЭ: с созданием этих подсистем не была организована система общественного пиара Единого государственного экзамена.

П. Г. Положевец. В «Учительской газете» в 2003 г. анкетировали три тысячи реальных директоров школ. 82% были против введения Единого экзамена. В 2008 г. мы нашли из этих трех тысяч 2600 реально действующих директоров и учителей школ — 52% были «за». Когда мы в 2011 г. вернулись снова к этим учителям, в школе уже работали только две тысячи, и 78% были против. Когда мы на фокус-группе спросили почему, то это оказалось связано с отчетностью. «За реальный результат нас ругают. Нас строят и говорят: результат должен быть другим». Я думаю, что это одна из проблем, над которой мы все должны думать: ЕГЭ должен быть не оценкой деятельности каждого учителя, а инструментом для улучшения деятельности учебного заведения.

Е. Л. Рачевский. ЕГЭ — это всего-навсего ЕГЭ. Я даже не знаю, какого оно рода. Я хочу привести только две цифры. В 2003 г. в Южном округе провели анкетирование учителей, там был такой вопрос: «Верно ли утверждение: оцениваю то, чему учу?» В 2009 г. примерно этой же репрезентативной группе тот же вопрос задали. Так вот, если в первом варианте слово «да» пометили 76%, то через семь лет слово «да» пометили всего 22%. Это, я считаю, существенное изменение. Потом, по сути дела, это изменило во многом систему профессионального образования и стало фактором изменений в системе НПО и СПО. И еще я подумал вот о чем. Как сильно изменились — ЕГЭ я имею в виду, да и не только ЕГЭ — взаимоотношения семьи и нашего профессионального сообщества. Появилась возможность более открытого образования, где школа, к счастью, уже перестала быть той единственной тюремной доминантой, которой она была многие и многие годы.

Д. В. Ливанов. Я точно не являюсь специалистом в ЕГЭ и, в общем, даже, наверное, не рассчитываю им стать — уже поздно, но я очень уважаю тех людей, которые это не только придумали, но и реализовали. Всегда важно не только придумать что-то, но и сделать, а потом увидеть, как это работает. В этом смысле мы все можем действительно позавидовать и Владимиру Михайловичу, и Виктору Александровичу. Большое спасибо. Мне кажется, что вы сделали очень хорошее дело. Безусловно, ЕГЭ будет меняться, это естественно, так же как и все институты в нашей жизни испытывают изменения. Будут использоваться в большей степени, чем сегодня, цифровые технологии. Возможно, появится, например, в экзаменах по иностранному языку устная часть. Возможно, будет еще что-то меняться. Я сейчас получаю очень много писем, таких коротких и простых: «Дмитрий Викторович, отмените ЕГЭ». Действительно, приходят десятками в день, видимо от школьников, или от абитуриентов, или от их родителей. Могу сказать, что этого точно не будет. ЕГЭ останется, ЕГЭ будет жить, он уже стал частью жизни, важным инструментом развития и школы,

и вузов, и учителей, и учеников — я думаю, что и Министерства образования и науки. Поэтому еще раз, Виктор Александрович, вам большое спасибо. Владимир Михайлович, и вам большое спасибо. Вы действительно сделали большое дело для российского образования.

В. А. Болотов. А главный враг ЕГЭ, коллеги, если говорить серьезно, «по гамбургскому счету», — это то, что в нашей стране до сих пор плохо с репутационными рисками. И это главный враг еще и для портфолио. Ведь как только что-то станет процедурой с высокими ставками, завтра побегут «договариваться». Против чего Владимир Михайлович последовательно всегда выступал — против блата. Мы до сих пор любим «договариваться». И это из себя надо выдавливать по каплям каждый день. Вот ЕГЭ — это один из инструментов по выдавливанию блата, борьбы с договорными системами. И я уверен, что мы будем все вместе продолжать работу в этом направлении.